

Ф. Кичатов

Христианские мотивы в творчестве А.С. Пушкина

С Тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирил.

Пушкин. Подражание Корану

Сегодня уже нет нужды доказывать то, что без обращения к Библии «значительный пласт пушкинского творчества, — как метко заметил пушкинист Л.М. Аринштейн, — остается непонятым современному читателю, исчезает глубина мыслей Пушкина, теряются его иронические, подчас очень тонкие намеки и замечания, в целом многие произведения теряют ту полноту поэтического звучания, которая была заложена в них поэтом»¹. Об использовании Пушкиным Священного Писания в своих произведениях и о религиозности его самого мы читаем в трудах Б. Васильева, М. Гершензона, В. Гиппиуса, В. Ильина, Г. Лескиса, Д. Мережковского, В. Морова, М. Мурьянова, В. Непомнящего, Вл. Соловьева, С. Франка, С. фон Штейна, И. Юрьевой и многих других.

Вполне естественно, что в 1930-е годы, во время подготовки полного академического издания сочинений Пушкина, даже упоминание о теме православия в творчестве поэта было невозможно. За Пушкиным тогда прочно закрепилось понятие афея, то есть атеиста, безбожника. Тем не менее, были некоторые попытки под разными видами делать ссылки на обращения Пушкина к Священному Писанию. Так, Н.В. Измайлов под видом именного указателя дал ссылки на обращение к Священному Писанию в лирике и в письмах поэта.

Малое академическое издание сочинений Пушкина несколько раз выходило в либеральные времена, но и здесь мы видим старательное сокрытие этой темы: не назван источник эпиграфа к стихотворению «Герой» («Что есть истина?»), стихотворение «Чудный сон» спрятано среди черновиков другого произведения, а «Молитва русских» — среди «коллективного». Пушкинское заглавие стихотворения «Молитва» (1836) изъято

из всех советских изданий. Во всех академических изданиях собраний сочинений Пушкина отсутствуют обширные выписки из Четых Миней и перевод жития святого Саввы Сторожевского.

Для того чтобы познать, что же есть истина, нужно, по словам И. Юрьевой, «вернуться к самим текстам Пушкина, перечесть их внимательно и в тех случаях, когда они связаны с христианством, обратиться к Священному Писанию, к которому обращался и Пушкин на протяжении всего своего пути — сначала с духом отрицания и сомнения, затем с духом смирения и любви, с надеждой и верой»².

Прежде всего, надо иметь в виду, что в пушкинские времена еще не существовало полного перевода Библии на русский язык. Только в 1820 году впервые на русском языке был издан Новый Завет с Псалтырью, одним из авторов которых был будущий митрополит Московский святитель Филарет. А Ветхозаветные книги (кроме Псалтири) так и не были переведены на русский язык при жизни поэта (известный нам Синодальный перевод Библии был издан в полном объеме лишь в 1870-е годы). Известно, что в библиотеке Пушкина хранилась Библия, в переводе на французский язык de Saci, изданная Российским Библейским обществом в Петербурге в 1817 году, равно как и Новый Завет в том же издании, но 1824 года, к которым он прибегал довольно часто³.

То, что русский перевод Нового Завета был хорошо известен Пушкину, подтверждают следующие примеры. Заимствование из него мы находим в письме к Алексею Вульфу (1826), в котором Пушкин спрашивает про Анну Керн: «Что делает *Вавилонская блудница* Анна Петровна?» (XIII, 275)⁴. Выражение «Вавилонская блудница» явно взято из перевода Апокалипсиса: «*Пал, пал Вавилон, великая блудница...*» (Откр. 18; 2).

Другой пример из Псалтири. В стихотворении «Была пора...» (1836) мы находим стихи, навеянные русским переводом Второго псалма Давида:

Метались смущенные народы;
И высились, и падали цари... (III, 432)

«*Зачем мнутя народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли...*» (Пс. 2: 1—2).

Однако Пушкин чаще прибегал к церковно-славянским текстам Нового Завета. Именно к ним восходит большинство пушкинских обращений:

Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидешь в Царствие небес (II, 152).

Глагол «внидешь» (внити) отсылает нас к славянскому Евангелию: «*Подвизайтесе внити сквозе тесная врата...*» (Лк. 13: 24).

И хотя церковно-славянских следов в творчестве Пушкина обнаруживается гораздо больше, поэт тем не менее изредка прибегает к французской Библии:

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный... (II, 441).

Стихотворение насыщено славянизмами, а завершается образом Аквилона, почерпнутым поэтом из французского перевода Песни Песней (III: 16): «*Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен...*» (Песн. 4: 12).

Когда в сознании Пушкина возникали образы Ветхого Завета, поэт автоматически прибегал исключительно к церковно-славянскому тексту: в «Путешествии в Арзрум» при виде горы Арарат он вспоминает «врана и голубицу, излетающих» из Ноева ковчега: «Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни, — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...» (III, 463). Сравним со славянской Библией: «*И посла врана видети, аще уступила вода от лица земли... И посла голубицу...*» (Быт. 8: 7—8).

Следы церковно-славянской Библии присутствуют даже во французском письме Пушкина к Чаадаеву от 6 июля 1831 года: «Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца» (XIV, 187). Здесь Пушкин переводит на французский язык церковно-славянский текст: «*Благо еже слышати прецение премудра, паче мужа слышащего песнь безумных*» (Еккл. 7:5).

Большинство священных текстов воспринимались Пушкиным и входили в его сознание, как он сам признавался, «при гласе пастыря, при сладком хоров пенье» (I, 245). Услышанное в храме рано или поздно находило непосредственное отражение в творчестве поэта. Неожиданный, на первый взгляд, образ в стихотворении «Памятник» возник 16 августа 1836 года, в дни праздника перенесения Спаса Нерукотворного образа.

О подобном случае писал в своих воспоминаниях о Пушкине П.А. Плетнев: «Любимый... разговор его за несколько недель до его смерти все обращен был на слова: “Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение”... А я, слушая его и чувствуя, что еще далеко мне до титула человека благоволения, брал намерение дойти до того»⁵. Как раз в то время это славословие особенно часто повторялось на службах Рождественской седмицы (с 6 по 13 января) — и присутствовало в сознании каждого, кто посещал в те дни церковь.

Библейские заимствования в поэзии Пушкина легко узнавались современниками: в пушкинское время отрывки из Священного Писания, которые читались и пелись в храмах, были у всех на слуху, они звучали из года в год, а иногда и изо дня в день. Об узнаваемости Евангелия Пушкин писал в 1836 году, что нельзя было «повторить ни одного выражения» из Писания, «которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов»⁶.

Сейчас нам трудно представить себе ту всеохватывающую роль, которую играла Библия в жизни людей XIX века. Их духовный мир всецело определяла христианская религия. Смысл и значение всех событий в мире и собственной жизни поверялись Священным Писанием. Так и Пушкина в отдельные периоды его жизни преследовали библейские образы: они доминировали в его сознании, становились лейтмотивом философских размышлений, отражаясь в его творчестве.

Это мы встречаем в трудах Д.Д. Благого о влиянии Книги Иова на лирику Пушкина в 1828—1830 годах («Воспоминание», «Дар напрасный, дар случайный...», «В часы забав иль праздной скуки...», «Чернь», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)⁷.

В юности, в «эпоху эпикурейства», Пушкин увлекался Книгой Екклесиаста — размышления о «суете суетствий», о том, что всему свое время, каждому возрасту свое, и призывы есть, пить и веселиться «во юности твоей»:

Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный,
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом (I, 237).

Порой в ранней лирике Пушкина трудно отличить Екклесиаст от Парни. Но вот в послании Орлову («О ты, который сочетал...») поэт называет Соломона в связи с главной идеей Книги Екклесиаста о суете сует:

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты! (II, 85)

В 1820-е—1830-е годы Пушкин вновь возвращается к Книге Екклесиаста, но совсем на другом, качественно новом уровне восприятия. Теперь мотив «всему свое время», тема смены поколений сопрягаются с глубоко личными размышлениями о переходе им некоего возрастного рубежа, о начале нового этапа жизни:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.
.....
Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе расти (III, 194).

«Всем время и время всяцей вещи под небесем: время рождати и время умирати, время садити и время исторгати сажденое. <...> Вся идут во едино место: вся быша от персти и вся в персть возвращаются» (Еккл. 3: 1—2).

В своей книге «Пушкин и христианство» И.Ю. Юрьева приводит примеры заимствований из Екклесиаста в двух маленьких трагедиях Пушкина: «Скупой рыцарь» и «Пир во время чумы»⁸.

«Кто любит серебро, тот не насытится серебром. <...> И это — суета! Умножается имущество, умножаются и потребляющие его: и какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими глазами? И гибнет богатство это... родил он сына, и ничего нет в руках у него».

Эта глава Книги Екклесиаста находит точные параллели в «Скупом рыцаре»: сравним монолог Барона, который хочет устроить себе «пир» — «глядеть на блещущие груды» — и сожалеет, что не может охранять свои сокровища на том свете от сына-наследника.

Столь же очевидную связь с седьмой главой Книги Екклесиаста обнаруживает и «Пир во время чумы»: *«Благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира, понеже сие конец всякому человеку. <...> Сердце мудрых в дому плача, а сердце безумных в дому веселия. Благо еже слышати прещение премудра, паче мужа слышащего песнь безумных»* (Еккл. 7:3—7).

«Дом пира» в трагедии Пушкина — это улица, где пируют герои. «Дом плача» расширен до пределов целого города, пораженного чумой, где люди живут «среди ужаса плачевных похорон». «Песни безумных» — «гимну в честь Чумы» — противостоит у Пушкина «прещение премудра» — увещевание священника:

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной! (VII, 180—184)

Если учесть, что первоначальное заглавие «Моцарта и Сальери» — «Зависть», то становится очевидным мотив трагедии, заимствованный из рассуждений царя Соломона: «*Видал я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть*» (Еккл. 4:4).

Часто Пушкиным овладевали «апокалипсические» настроения. Широко известна «Апокалипсическая песнь» Пушкина — стихотворение «Герой» (1830), созданное в Болдине, окруженном холерным карантинном, откуда он писал М.П. Погодину: «Дважды порывался я к Вам, но карантинны опять отбрасывали меня на мой несносный островок, откуда простираю к Вам руки и вопию голосом велиим... Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь» (XIV, 121).

В черновых вариантах «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» повторяется образ бледного коня Апокалипсиса, несущего Смерть — в ночном ходе часов слышится его топот:

Парк ужасных будто лепет
Топот бледного коня (III, 860).

Каково же было отношение Пушкина к религиозно-церковным источникам? Если в начале творческого пути Екклесиаст для Пушкина стоял в одном ряду с Анакреонтом и Парни, то в середине 1820-х годов это отношение к Священному Писанию изменилось коренным образом. Называя молитвы «божественными», он признавался, какое воздействие на него оказывает Евангелие: «...если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» (XII, 99).

О том, что сущность поэтического творчества для Пушкина связана с религиозными понятиями, писал С. Франк: «Для Пушкина поэтическое вдохновение было... подлинным религиозным откровением: вдохновение определено тем, что “божественный глагол” касается “слуха чуткого” поэта... Только из этого сознания абсолютно религиозного смысла поэзии (поэта как “служителя алтаря”) может быть удовлетворительно понят и объяснен... страстный и постоянный протест Пушкина против тенденции утилитарно-морального использования поэзии»⁹.

Рассмотрим два периода в творчестве поэта, характерных для оценки его отношения к религии, и в частности православия.

Первый период охватывает примерно 1817—1824 годы. Он характерен, выражаясь словами Ходасевича, «*неизменно шуточными кощунствами*», стрелы которых «*неядовиты и неглубоко ранят*»¹⁰. В это время

юный поэт выражает свое отношение к религии, характерное для большей части светской молодежи, одной фразой из стихотворения «Безверие»: «Ум ищет Божества, а сердце не находит...» (I, 243). Надо признать, что все эти «кошунства» были в духе того времени и включали легкое вольнодумство, которое в ту пору было присуще почти каждому образованному человеку, воспитанному на идеях французских энциклопедистов или немецких идеалистов. Выражаясь словами митрополита Анастасия, «следует признать, что они были скорее случайной вспышкой озлобленного ума или просто легкомысленной игрой воображения юного поэта, чем его внутренним сознательным убеждением: они скользили по поверхности его души и никогда не имели характера ожесточенного богоборчества»¹¹. Характерным для этого периода является стихотворение <Из послания к В.Л. Давыдову> (1821):

Я стал умен, [я] лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что Бог простит мои грехи,
Как Государь мои стихи (II, 178).

И если стихи поэта привлекали к себе всеобщее внимание, в том числе и пристальное внимание сильных мира сего, то это только потому, что они отвечали общему настроению умов большей части образованных людей. О том, что Пушкин был далек от пропаганды безбожия, говорят факты его биографии, то, что он не только никогда не пытался предавать печати свои «крамольные» произведения, но стремился изъять их из обращения, стыдясь их содержания. По свидетельству современников, Пушкин особенно раскаивался в своей «Гавриилиаде», всячески истребляя ее списки, и сердился, когда ему напоминали о ней. По словам Бартенева, «он позволил себе сочинить ее только из молодого литературного щегольства. Ему хотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше Вольтера и Парни»¹².

Источником искушений, по признанию самого Пушкина, был умный дух-«Демон», начавший навещать его в юные годы:

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистоимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел (II, 299).

Переживая мучительный кризис сомнений, он болезненно искал выход из создавшегося положения, точку нравственной опоры для себя. Он интуитивно чувствовал, что без православной идеи все его мировоззрение становится подобным дворцу, построенному на песке.

Наиболее острый момент душевного кризиса пришелся на южную ссылку (1821—1824). Пытаясь разрешить свои духовные проблемы, Пушкин с пристрастием читает Священное Писание, Коран, просит брата прислать ему Библию, проводит длительное время с религиозным мыслителем и писателем Стурдзой, пытается понять атеиста Гутчисона, у которого берет уроки «чистого афеизма» (теоретического атеизма). О последнем он сообщает другу (предположительно П.А. Вяземскому) в Москву в начале марта 1824 года. Это письмо, вскрытое на почте и дошедшее до администрации, произвело эффект разорвавшейся бомбы и стало основным аргументом обвинения Пушкина в безбожии, значительно повлияв на его дальнейшую судьбу. Оно явилось одной из основных причин исключения Пушкина со службы государевой и ссылки его в родовое имение Михайловское под надзор собственных родителей. Остановимся на этом подробнее.

Для начала приведем текст письма: «...читая Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю: — пишу пестрые строфы романтической поэмы, — и беру уроки чистого Афеизма. Здесь Англичанин глухой Философ, единственный умный Афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, что не может существовать существа разумного, создателя и правителя, — мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» (XIII, 92).

Чтобы понять смысл написанного, обратимся к разъяснениям профессора С. Франка, который полагает, что:

«1) Пушкин считает своего учителя-англичанина *«единственным умным “афеем”, которого он встретил»* (другие, очевидно, не заслуживают такого наименования);

2) *«система его мировоззрения не столь утешительна, как обыкновенно думают», «хотя, к несчастью, более всего правдоподобная»*. Надо подчеркнуть и это последнее слово, как свидетельствующее о том, что эта безотрадная система казалась поэту только правдоподобной, но отнюдь не несомненной. Следовательно, она не разрешала всех его сомнений, хотя и могла временно повлиять на направление его мыслей»¹³.

В доказательство того, что она, в конце концов, так и не повлияла на образ мыслей поэта, приведем его собственные высказывания.

В прошении на имя Николая I от 11 мая 1826 года Пушкин писал, что «имел несчастье заслужить гнев покойного императора *легкомысленным*

суждением касательно Афеизма» (XIII, 283). О том же он повествует в своем «Воображаемом разговоре с Александром I»: «Но вы же и афей? Вот что уж никуда не годится», — возражает: «Я — афей? Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному к товарищу? Можно ли *школьную шутку* взвешивать как преступление, а *две пустые фразы* судить, как всенародную проповедь?» (XI, 23, 24).

В письме к Жуковскому от 7 марта 1826 года поэт, осуждая свое «атеистическое послание», называет его «*суждением легкомысленным и достойным всякого порицания*» (XIII, 265). А в письме к правителю канцелярии графа М.С. Воронцова А.И. Казначееву он, по достоинству оценив Гутчисона, прямо называет своего «учителя» «*прощальгой*», а его уроки — «*пошлой болтовней*» (XIII, 92).

На черновых листах «Странствия» Онегина (1827—1829) сохранились суждения Пушкина, противоречащие «науке» Гутчисона: «*Не допускать существования бога — значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге*» (XII, 195).

По воспоминаниям А.О. Смирновой, Пушкин так высказался об атеистах: «Я часто задаюсь вопросом: чего они (атеисты. — *Ф.К.*) кипятятся, говоря о Боге. Они яростно воюют против Него и в то же время не верят в Него. Мне кажется, что они теряют даром силы, направляя свои удары против того, что, по их же мнению, не существует!»¹⁴.

Кстати, сам Гутчисон оказался не таким уж преданным своему ученику: лет пять спустя после истории с Пушкиным он уже служил в Лондоне ревностным пастором англиканской церкви.

В письме к А.И. Тургеневу от 1.12.1823 года Пушкин пишет: «...я закалялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя...)» (XIII, 78). Эту фразу из Евангелия от Луки (8, 5) Пушкин поставил эпиграфом к стихотворению «Свободы сеятель пустынный...». «Басня», как называет притчу поэт, несколько расходится в смысловом плане с поэтическим подражанием, хотя и обнаруживает глубокую связь со Священным Писанием, но заключает в себе смысловую полемику с ним, что вообще характерно для творчества поэта в южной ссылке. Приведем его полностью:

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич (II, 302).

Сравним с Евангелием от Луки (гл. 8):

«Изыде сеяй сеяти семене своего: и егда сеяше, ово паде при пути, и попрано бысть: и птицы небесныя позобаша е. А другое паде на камени, и прозяб усохше, зане не имеяше влаги. И другое паде посреде терния, и возрасте терние, и подави е. Другое же паде на земли блазе, и прозяб, сотвори плод сторицею...» (Лк. 8: 5—8).

Отличие «подражания» от евангельской притчи заключается в том, что в нем Пушкин выражает свое презрение к политическому безразличию, в частности неаполитанцев, когда карбонарское движение было подавлено при их полном равнодушии. Поэт надеется, что читатели поймут, в кого «целит» это стихотворение.

Нужно сказать, что в этот период, при всех своих духовных метаниях, Пушкин не отрывается от общего уклада жизни: он регулярно посещает богослужения в Митрополии, в положенное время постится, встречается и беседует с ректором Кишиневской духовной семинарии архимандритом Иринеем, участвует в религиозных праздниках, особенно любит посещать в Одессе Пасхальную утренью. Внутренняя вера в это непростое для поэта время перевешивала в его душе тот скептицизм, который местами появлялся в его творениях.

Второй период начался со ссылки в Михайловское, которая стала для Пушкина тем важным жизненным рубежом, на котором поэт остановился, чтобы, оглянувшись на пройденный путь, осудить его и двинуться дальше — уже по новому, просветленному пути. Этот душевный перелом блестяще отражен в его стихотворении «Воспоминание», написанном в 1828 году:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю (III, 102).

С той поры процесс его религиозного развития проходил с изумительной быстротой. Расставшись с опьяняющими светскими удовольствиями, поглощавшими львиную долю его времени и внимания в Петербурге, Кишиневе и Одессе, здесь, в Михайловском, он глубже заглянул в самого

себя, в душу простого народа, в заветы и уроки отечественной истории и всерьез занялся самообразованием. Здесь Пушкин впервые вошел в живое общение с церковью, сблизился с настоятелем Святогорского монастыря игуменом Ионой и священником из села Воронич Илларионом Раевским, которые стали для него духовными врачами.

Именно здесь, на почве все углубляющегося духовного опыта и исторических познаний, родилась драма «Борис Годунов», которую сам Пушкин считал наиболее зрелым плодом своего творчества. Впервые в его произведении «вечные истины» христианства занимают столь значительное место: поступки исторических лиц оцениваются с позиций религиозной нравственности, суд истории оказывается Божьим Судом. Сквозным мотивом трагедии, по мнению И. Юрьевой, является мотив молитвы. Нужно заметить, что в эпоху социализма при изучении «Бориса Годунова» основное внимание уделялось духу историзма, тогда как весь молитвенный пласт был совершенно исключен из анализа. Совсем по-другому воспринималась драма современниками поэта. О том, какое воздействие она оказывала на них, рассказывает М.П. Погодин, присутствовавший в 1826 году на авторском чтении «Бориса Годунова» в Москве: «Сцена летописателя с Григорием просто всех ошеломила. Что было со мною, я и рассказать не могу... А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков: “Да ниспошлет Господь покой его душе, страдающей и бурной”, — мы все просто как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Один вдруг вскочит с места, другой вскрикнет. У кого на глазах слезы, у кого улыбка на губах...»¹⁵.

Здесь, в Святогорском монастыре, зародился у Пушкина образ «Пророка». О том, как это случилось, рассказывает сам поэт: «Я как-то ездил в монастырь Святые Горы — чтобы отслужить панихиду по Петре Великом. Служка попросил меня подождать в келье. На столе лежала открытая Библия, и я заглянул на страницу — это был Иезекииль (Исайя. — Ф.К.). Я прочел отрывок, который перефразировал в “Пророке”. Он меня внезапно поразил, он меня преследовал несколько дней, и раз ночью я встал и написал стихотворение»¹⁶. Вот эти строки, так поразившие поэта:

«В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном... Вокруг него стояли Серафимы; у каждого из их по шести крыл... И сказал я: горе мне! погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещам с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.

*И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? <...>
И я сказал: вот я, пошли меня»* (Ис. 6: 1—8).

Вызванный молодым царем Николаем I из михайловской ссылки, уставший, невыспавшийся, готовый разделить участь декабристов, Пушкин, томимый самыми черными предчувствиями, шел на встречу с ним в Чудов дворец. В кармане его лежал список уже написанного «Пророка» со следующим окончанием:

Встань, встань пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг шеи (выи? — рукой, кажется, Соболевского),
К У.Г.¹⁷. явись¹⁸.

Но произошло поистине чудо: из дворца он возвратился воскрешенным к полной жизни, осыпанным милостями государя. Не оправдалось на этот раз пророчество поэта, заключенное в последнем четверостишье. Возникла потребность переосмыслить и нравственно переоценить многое из того, что ранее казалось истинным. Вновь воскресли в памяти вещие слова Иезекииля, случайно прочитанные тогда, в Святогорском монастыре. Так появилось на свет обновленное стихотворение «Пророк», которое митрополит Анастасий назвал «единственным явлением в мировой литературе, апофеозом призвания поэта на земле»¹⁹. Под стихотворением поэт поставил дату беседы с императором — 8 сентября 1826 года, тщательно скрываемую в течение многих лет от пытливого взгляда читателя:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился...
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,

И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

8 сентября 1826 (III, 30, 31).

В стихотворении, построенном как развернутая поэтическая метафора, мы прослеживаем, по существу, всю судьбу поэта — годы ссылки, благодарность царю, освободившему его от опалы, оценку своего прежнего творчества, надежды на будущее, осознание высокой нравственной миссии, возложенной на него императором как на первого поэта России.

Характерно, что после разговора в Чудовом дворце из творчества Пушкина исчезают эпиграммы, затрагивающие царя и его приближенных, прекращается неуважительная трактовка религиозной тематики.

1827 год. Приближалась очередная лицейская годовщина. Обласканный царем, Пушкин не мог забыть о своих лицейских товарищах, многие из которых уже не могли прийти на этот праздник. Не стало Броглио, Корсакова, Ржевского. В царских застенках томились Пушин и Кюхельбекер, в кругосветном морском походе был Матюшкин. Многие товарищи находились на государственной службе, в том числе и за пределами страны. Пушкин помнил о каждом из них и как мог поддерживал с ними связь, помогая словом и делом. Говоря об этой отзывчивости поэта, Н.В. Гоголь писал: «Как он весь оживлялся и вспыхивал, когда шло дело к тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Как выжидал он первой минуты царского благоволения к нему, чтобы заикнуться не о себе, а о другом несчастном... Черта истинно русская... не желанье оправдать его или вырвать из рук правосудия, но воздвигнуть упавший дух его, утешить, как брат утешает брата, как повелел Христос нам утешать друг друга»²⁰. Работая над посланием своим друзьям, поэт прибегает к молитве, литургии святого Василия Великого, и озаглавливает стихотворение — «19 октября 1827»:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли! (III, 80)

Сравним с молитвой:

«Помяни Господи, иже в пустынях, и горах, и вертепех, и пропастях земных.

...Плавающим сплавай, путешествующим шествуй... На судище, и в горьких работах, и всякой скорби, и нужде, и обстоянии сущих помяни, Боже» (Лит. Св. Василия Великого, IX. Диптих).

Работая над восьмой главой романа «Евгений Онегин», Пушкин прибегает к заповеди о блаженстве из Евангелия от Матфея:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5: 3—11).

Сравним с текстом Пушкина:

I

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.

II

Блажен, кто понял голос строгой
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой, —
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И Богу душу передал,
Как откупщик иль генерал.
«Мы рождены, — сказал Сенека, —
Для пользы ближних и своей»

(Нельзя быть проще и ясней),
Но тяжело, прожив полвека,
В минувшем видеть только след
Утраченных бесплодных лет... (V. 145, 146)

Обострение у Пушкина чувства собственного греха, особенно после 1828 года, по мнению С.Г. Стратановского, связано с делом о «Гавриилиаде». Тогда поэту действительно угрожала Сибирь. Вместе с боязнью оказаться снова изгнанником Пушкин остро переживал чувство собственной вины. Осознание этого «греха» явилось тогда, когда Пушкин уже стал совершенно другим. Публично отказываясь от этого произведения, поэт вынужден был тайно признаться царю в своей оплошности, что, несомненно, повлияло на его репутацию. Начиная с этого периода, периода поиска цели жизни, обретения смысла земного бытия, в творчестве Пушкина появляется тема греховности. Одним из характерных произведений такого типа, вызвавших диалог с митрополитом Московским и Коломенским Филаретом, является исполненное тоски и отчаяния стихотворение, написанное поэтом в день своего рождения — 26 мая 1828 года:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум (III, 104).

Д.Д. Благой установил связь этого стихотворения с Книгой Иова:

«Посем отверзе Иов уста своя, и прокля день свой, глаголя: да погибнет день, в оньже родихся, и ночь оная... и да примет ю тма и сень смертная, да придет на ню сумрак: проклят буди день той... Почто бо дан есть суцим в горести свет и суцим в болезнех душам живот... Прежде бо брашен моих въздыхание ми приходит, слезю же аз одержим страхом, страх бо, егоже ужасахся, прииди ми... Ни умирахся, ниже умолчах, ниже почих, и найде ми гнев» (Иов. 3: 1—3, 5, 20, 24—26).

Стихотворение, опубликованное в 1830 году, вызвало стихотворный ответ Филарета, прибегнувшего к 50-му Псалму:

«Сердце чисто созижди во мне, боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50: 12).

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!

(«Северные цветы». Вып. 5. 1830. С. 16)

Через несколько дней, вероятно, 19 января, прочитав послание Филарета, Пушкин был потрясен и ответил стихами:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Таким огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт (III, 212).

Здесь опять обнаруживаем мы заимствования из Книги Иова:

«Отвещав же Иов, рече Господеви: почто еще аз прюся, наказуем и обличаем от Господа, слышай таковая ничтоже съй; аз же кий ответ дам к сим; руку положу на устех моих...» (Иов. 39: 33—34).

«Внезапность» произошедших в душе Пушкина перемен, отчетливо просматриваемых в этом стихотворении, можно объяснить сближением поэта с библейским Иовом: как Иов, он «проклял день свой» и, подобно Иову же, получил ответ «с высоты духовной» — из уст Архипастыря. Возможно, именно обмен посланиями с владыкой Филаретом послужил причиной обращения Пушкина к Книге Иова.

Пушкину не раз приходилось поражаться речам митрополита Филарета в прошлом. Впервые он увидел Филарета 4 января 1815 года в Лицее на переводном экзамене по Закону Божьему. Затем — на выпускном экзамене в 1817 году. С 1826 года Пушкин был свидетелем служений владыки в Москве, был хорошо знаком с некоторыми его духовными произведениями. На одно из них он прямо ссылается в примечании к «Полтаве»: «Смотри прекрасную речь преосвящ. Филарета “Рассуждение о нравственных причинах успехов русских в войне 1812 года”. В 1830 году речь митрополита Филарета по поводу приезда Николая I в холерную Москву явилась, по словам академика Н.И. Михайловой, «творческим источником шедевра философской лирики Пушкина»²¹ — стихотворения «Герой». В 1833 и 1836 годах поэт встречался с Филаретом на заседаниях Российской академии. В стихотворении «В часы забав иль праздной скуки...» поэт оставил нам литературный портрет Святителя Филарета — «духовного наставника, врачующего уязвленную совесть, своим словом пробуждающего душу поэта».

Сам Пушкин в последние годы жизни все больше становится примерным христианином. Он внимательно читает Библию, делает выписки из Четьих Миней, пристально вглядывается в святых, стараясь понять источник их силы, анонимно сотрудничает в составлении «Словаря святых», публикует в «Современнике» свои рецензии на религиозные книги, многим восхищается как писатель. И это не простое любопытство, а зов души. Французский посол в Петербурге барон Барант, неоднократно встречавшийся с Пушкиным в последний год его жизни, был удивлен его религиозностью. «Я и не подозревал, — писал он в своих воспоминаниях, — что у него такой религиозный ум, что он так много размышлял над Евангелием»²². А друг поэта В.А. Жуковский, оценивая изменения, произошедшие в Пушкине в последние годы его жизни, писал: «Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я!..»²³

В последние годы жизни для Пушкина стало особенно характерным обращение к молитвам. Как свидетельствует П.А. Вяземский, в это время поэт «был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их»²⁴.

В 1836 году появляется цикл стихотворений Пушкина, в очередности появления которых В.П. Старк обнаружил аналогию с последовательностью «событий Страстной недели и их ежегодного поминовения: среда — молитва Ефрема Сирина, четверг — возмездие Иуде за предательство, совершенное в ночь со среды на четверг, пятница — день смерти Христа, когда в церкви установленный накануне крест сменяет плащаница». Вот эти стихотворения: «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Подражание итальянскому», «Мирская власть» и «Из Пиндемонти».²⁵

Остановимся на первом из них, во второй части которого Пушкин переложил на язык поэзии одну из наиболее любимых молитв — Великопостную молитву преподобного Ефрема Сирина. Автор молитвы — один из самых почитаемых святых Православной Церкви. Краткая молитва, которую читают в храме и дома во время Великого поста (за исключением суббот и воскресений), — самое известное из творений преподобного сирийского старца и, пожалуй, самое любимое поэтом. Обратимся сначала к ее каноническому тексту:

*«Господи и Владыко живота моего,
дух праздности, уныния, любоначала
и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любви, даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения
и не осуждати брата моего,
яко благословен еси во веки веков, аминь».*

(Молитвослов, 13)

Сравним с пушкинским переложением:

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:

Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей —
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи (III, 421).

В первой части своего стихотворения (стихотворном «предисловии»), предваряющем переложение молитвы, Пушкин отдает дань уважения монахам-отшельникам, духовным писателям — современникам сирийского подвижника, жившего в IV веке. Молитвенное богословие той эпохи, называемой «золотым веком святоотеческой письменности», глубоко интересовало поэта. Подробное исследование этого стихотворения мы найдем в статье В. Лепяхина «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (*А.С. Пушкин: путь к Православию*. М., 1996).

Вторая часть стихотворения — собственно переложение молитвы Ефрема Сирина.

Другой пример — «Молитва Господня», менее известна широкому читателю. Ее нет в 16-томном академическом собрании сочинений поэта. Пушкину удалось передать в ней, как красноречиво заметил митрополит Анастасий, «и самый ее дух, как мольбы детей, с доверием и любовью обращающих свой взор из этой земной юдоли к Всеблагому своему Небесному Отцу». Обратимся к тексту стихотворения:

Отец людей, Отец Небесный!
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придет Царствие Твое,
Твоя да будет воля с нами,
Как в небесах, так на земли!
Насущный хлеб нам ниспосли
Твоею щедрою рукою,
И, как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, Своих детей;
Не ввергни нас во искушенья
И от лукавого прельщенья
Избави нас²⁶...

Легко убедиться в том, насколько близок текст пушкинского переложения к самой молитве:

«Отче наш, Иже еси на Небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго» (Мф. 6: 9—13).

Сотни пушкинистов в течение длительного времени исследовали в биографии поэта буквально все, совершенно не тронув только его православного фона жизни. Пушкиноведение стало некоей отраслью марксистско-ленинского учения, а сам Пушкин — борцом против самодержавия, бунтарем, декабристом, даже «нашим товарищем». Гениальное творчество

во было бесцеремонно оторвано от христианских корней. «Наука упорно не замечала или искажала тот факт, — писал Валентин Непомнящий, — что Пушкин — при всех сложностях его пути, при всей многообъемности творческого метода — есть человек и деятель русской христианской культуры, культуры православного народа»²⁷.

Приведенные в статье примеры далеко не исчерпывают всего объема обращений Пушкина к Священному Писанию. В своей книге «Пушкин и христианство» (М., 1998) московский пушкиновед И.Ю. Юрьева впервые сделала попытку исследовать в этом направлении все творчество великого поэта, обнаружив фрагменты Священного Писания и целые молитвы более чем в 230 произведениях Пушкина. Благословляя выход в свет этой книги, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II оценил эту работу так: «...тщательный и благодарный научный труд... является не только вкладом в восстановление правды духовного лика А.С. Пушкина, но и значительной помощью в нравственном укреплении ныне живущих и будущих поколений всех обращающихся к творчеству великого русского поэта людей»²⁸.

Слава Богу, что нынешнее время позволяет нам по-новому, без предвзятости и идеологических шор взглянуть на жизнь и творчество нашего национального гения, увидеть его таким, каким он был на самом деле: без лакировки и торжественных фанфар.

¹ Юрьева И.Ю. Пушкин и христианство. М., 1998. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. С. 68. Приложение. С. 12.

⁴ Здесь и далее ссылки на произведения Пушкина делаются по: Полн. собр. соч.: В 17 т. / Изд. АН СССР. М., 1937—1949. Римская цифра в скобках — номер тома; арабская — страница.

⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 257.

⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 7. С. 322.

⁷ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1974. С. 175—179.

⁸ Юрьева И.Ю. Указ. соч. С. 20.

⁹ Франк С.Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен, 1957. С. 21.

¹⁰ Штайн С. фон. Пушкин-мистик. Рига, 1931. С. 29.

¹¹ Анастасий (Грибановский), митрополит. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви // А.С. Пушкин: путь к православию. М., 1996. С. 71.

¹² См.: Лепяхин В. «Отцы пустынноики и жены непорочны...» // А.С. Пушкин: путь к православию. М., 1996. С. 244.

¹³ Франк С. Религиозность Пушкина // Путь. № 40. Париж, 1933. С. 28.

¹⁴ Мустафин В. Православие в духовной жизни России пушкинского времени // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1993. С. 6.

¹⁵ Вересаев В. Пушкин в жизни. Минск, 1986. С. 36, 37.

¹⁶ А.С. Пушкин: путь к православию. М., 1996. С. 81, 82.

- ¹⁷ По предположению А.М. Цявловского, буквы «У.Г.» могут означать «убийце гнусному», как назвал Пушкин Николая I за казнь декабристов.
- ¹⁸ См.: *Вересаев В.* Указ. соч. С. 29.
- ¹⁹ *Анастасий* (Грибановский), митрополит. Указ. соч. С. 81.
- ²⁰ *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 88.
- ²¹ *Альбом-каталог* выставки «Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский». М., 2003. С. 13.
- ²² *Восторгов И.* Вечное творчество поэта // А.С. Пушкин: путь к православию. М., 1996. С. 178.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Вересаев В.* Указ. соч. С. 559.
- ²⁵ *Старк В.П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина в 1836 г. // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 193—203.
- ²⁶ *А.С. Пушкин:* путь к православию. С. 93.
- ²⁷ *Непомнящий В.* Вступительное слово при открытии московских чтений // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1993. С. 61.
- ²⁸ *Юрьева И.Ю.* Указ. соч. С. 3.

